

немцев. Патент был выдан 21.02.1942 г. На иждивении владелицы находились трое детей и мать. В парикмахерской работали 5 мастеров, уборщица, прачка, бухгалтер и кассир. Парфюмерия закупалась на рынке. Бритье бороды стоило 3 руб., стрижка головы – 5 руб., мытье головы – 4 руб. Обозначенная в финансовых документах низкая прибыль парикмахерской (за 1-е полугодие 1942 г. – 364,95 руб.) объяснялась предпринимательницей несоответствием существующей таксы реальной себестоимости, перерывами в работе на 2 – 3 недели в результате бомбежки, расходами на ремонт помещения, сильными морозами (до 35 С) и тем, что, в целях лучшего обслуживания немецких военнослужащих, были затрачены большие средства на оборудование, белье и инвентарь. Финансовое состояние парикмахерской, действительно, было сложным, за 1942 г. накопилась задолженность по уплате налога в значительную сумму 4600 руб. Владелица ходатайствовала об отсрочке уплаты налога. Не улучшилось оно и в 1943 г., и 29.03.1943 г. налоговый инспектор даже произвел опись имущества парикмахерской. Тем не менее, парикмахерская продолжала работу как минимум до августа 1943 г.; было разрешено оплатить задолженность в два приема по 2300 руб. 5 марта и 5 мая 1943 г. [2, д. 145, л. 1–24 об.].

Таким образом, документы Витебской городской управы являются важным источником по изучению военной повседневности. С одной стороны, они показывают, что в условиях войны удовлетворение потребностей граждан было монополизировано частными предпринимателями. Предприятия открывались в тех отраслях, услуги которых были наиболее востребованы населением. Наиболее доходным занятием являлась торговля. Интересны эти документы и тем, что показывают стратегию поведения граждан в условиях оккупации. Все пытались обмануть власти. Многие для получения желаемого разрешения, особенно в сфере торговли, подчеркивали свои проблемы с советской властью в предвоенный период (судимости в довоенный период или репрессированных советской властью родственников).

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1186.
2. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 151.

Кулинок С.В.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ РАЗОБЛАЧЕННЫХ АГЕНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БШПД)

Одним из малоизученных и информативных источников по истории партизанской разведки и Великой Отечественной войны являются протоколы допросов. В процессе оперативной, боевой и контрразведывательной деятельности в партизанские соединения достаточно регулярно попадали захваченные военные и гражданские пленные, а также разоблаченные немецкие агенты и пособники, которые являлись ценнейшим источником получения разведывательных данных. Именно в процессе проведения допросов партизаны получали необходимую им информацию. Контингент допрашиваемых достаточно широк: пленные солдаты и офицеры, представители гражданских и военных оккупационных властей и коллаборационистов, разоблаченные агенты, сотрудники немецких спецслужб, гражданские лица, находящиеся под подозрением и др. Автор изучил более 80 протоколов допросов и исходя из того, кого опрашивают, выделил некоторые виды разведывательных данных:

- военные: состав, структура, вооружение, командный состав, задачи воинских частей и подразделений, а также военных соединений коллаборационистов, состояние гарнизонов и укреплений (как правило, их сообщали солдаты и офицеры, полицейские, военные пособники, захваченные в плен);
- экономические: состояние сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры, налогообложение, деятельность военно-хозяйственных органов и организаций (от пленных старост, бургомистров, сотрудников хозяйственных служб);
- политические: деятельность гражданских коллаборационистских организаций и союзов, пропагандистская и агитационная деятельность на оккупированной территории (от захваченных руководящих сотрудников, гражданской администрации, активистов);
- контрразведывательные: деятельность немецких спецслужб, разведывательно-диверсионных и шпионских школ, выявление изменников, предателей и немецких пособников (от пленных сотрудников немецких разведывательных органов и разоблаченных агентов).

Именно протоколы допросов разоблаченных агентов будут рассмотрены автором в данной работе. Первые разведывательно-диверсионные школы, готовившие агентов для засылки в тыл

Советского Союза, Красной Армии и в партизанские отряды, были открыты уже в 1941 г. В августе – в Борисове [7, с. 149], в конце 1941 г. – в Минске [4, с. 142]. В 1942 г. школы уже действовали в Бобруйске [1, с. 49], Слуцке [6, л. 12–13], Могилеве [3, с. 191] и других городах. После начала освобождения в 1943 г. Красной Армией захваченных территорий разведывательные органы противника вместе со спецшколами перемещаются на восток, в том числе и на территорию Беларуси. В конце октября 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина пришло сообщение, в котором указывалось, что «из освобожденных Красной Армией районов Орши, Брянска, Смоленска, Рославля, Унечи и др. немцы школы гестапо передислоцируют в районы Белоруссии. Дайте задание установить их местонахождение и перегруппировку. Учитывая исключительную важность этого вопроса, задание просим взять на контроль и немедленно ставить нас в известность» [6, д. 56, л. 4–5].

В декабре 1943 г. из ЦШПД на имя начальника БШПД П. Калинина пришел документ, в котором отмечалось, что «из партизанских отрядов поступают агентурные данные и показания разоблаченных агентов гестапо, что немцы усиленно вербуют и обучают в школах большое количество своей агентуры с целью засылки в наши тылы, проникновения в части Красной Армии и внедрения в партизанские отряды для ведения разведки, совершения диверсий на коммуникациях и террористических актов над видными партийно-советскими работниками и командным составом Красной Армии и партизанских отрядов... Просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов и аппарата вашего разведотдела, как от агентуры, так и путем допроса разоблаченных разведчиков гестапо, добиваться получения на переброшенную агентуру или внедренную в партизанские отряды подробных сведений с указанием:

- А) полных установочных данных
- Б) характеризующих данные агента и его предметы
- В) район предполагаемой деятельности агента и его связи»

Копии таких показаний или агентурных донесений необходимо было срочной почтой высылать в ЦШПД [5, л. 341].

Масштабы работы немецких спецслужб по подготовке агентов-диверсантов на территории Беларуси были огромны. Фактически, это была «конвейерная» деятельность. Только за 1942 – первое полугодие 1943 г. по неполным данным было расстреляно 944 агента гестапо. Согласно итоговому отчету разведотдела БШПД, из числа взятых партизанами на учет шпионов, диверсантов и террористов (8584 человек) арестовано и расстреляно 7464, в том числе 5584 немецких шпиона, диверсанта и террориста [2, с. 175]. С каждым разоблаченным агентом проводилась беседа, которая оформлялась в протокол допроса.

Внутренняя структура данного вида документов достаточно стабильна. После заглавия «Протокол допроса №... от (дата)» обычно указывались данные опрашиваемого. Например: «Я, начальник Особого отдела НКВД 2-й Минской Красно-партизанской бригады Никитин допросил...» или «Я, оперуполномоченный бригады им. Чкалова Фелько допросил...» [6, д. 57, л. 253; д. 56, л. 17]. Далее следовали краткие автобиографические данные допрашиваемого: ФИО, год и место рождения, происхождение, образование, партийность, род деятельности. В некоторых случаях для уточнения биографических данных могли задаваться отдельные вопросы, такие как «Кто ваши родители?», «Чем занимались до Октябрьской революции?», «В чем заключалась ваша трудовая деятельность до войны?» и т.д. Можно также встретить случаи приложения к протоколу допроса отдельной автобиографии. В этом случае, в допросе биографические данные не приводятся.

Далее, как правило, идут непосредственно вопросы, интересующие допрашиваемого. В качестве примера можно привести протокол допроса немецкого агента С., которая закончила шпионскую школу в Гомеле и была разоблачена партизанами в декабре 1943 г. Помимо вопросов биографического характера, допрашиваемой были заданы следующие вопросы: «В течении какого времени Вы учились в школе?», «Под каким названием была эта школа?», «Какой был внутренний распорядок в школе?», «Сколько всего училось курсантов в школе?», «Назовите фамилии и приметы курсантов этой школы», «Назовите фамилии и приметы преподавателей школы?», «Назовите фамилии и приметы обслуживающего персонала?», «Когда был произведен выпуск Вашего набора?», «Куда Вы были направлены после выпуска слушателей школы и с каким заданием?», «Имели ли Вы задание производить вербовки из местного населения?», «Чем Вы были снабжены при направлении на задание?». Результатом данного допроса стало получение сведений о деятельности в Гомеле разведывательно-диверсионной школы, расположенной по

ул. Заковой, 85. Было установлено, что в школе обучалось около 100 агентов, на 74-х из них получены установочные данные. С. сообщила подробные сведения о 8 преподавателях, изучаемых дисциплинах, распорядке дня и выпусках курсантов [6, д. 57, л. 286–297]. В результате допроса агента абвергруппы-315 Ж. были получены установочные данные на 36 агентов по городам Новозыбков и Гомель, а также сведения о руководстве абвергруппы-315 и 325.

Достаточно часто к протоколу прилагались сопроводительные письма (информации). Так, к протоколу допроса Ж. прилагалось сопроводительное письмо на имя Народного комиссара государственной безопасности комиссара госбезопасности 1 ранга В. Меркулова, в котором указывалось: «При этом направляю протокол допроса немецкого тайного агента Ж. и список штатных тайных агентов «Абвертруппе №№ 315 и 325», работающих в немецких отделениях контрразведки. Ж. – расстрелян» [6, д. 57, л. 252].

Объем данного вида документа вариативен и зависит от количества вопросов, осведомленности опрашиваемого, его желания отвечать на вопросы. Наиболее ценные и важные агенты могли допрашиваться несколько раз с целью получения более точных данных, а также проверки полученных сведений. В этом случае в заголовке документа указывалось: «Дополнительный протокол допроса... от...» [6, д. 54, л. 116–134]. На каждой странице протокола ставилась подпись допрашиваемого, удостоверяющая, что полученные ответы соответствуют тому, что он говорил. В конце протокола обязательно присутствует надпись (с разными изменениями): «Протокол с моих слов записан правильно, мне вслух прочитан, в чем и расписываюсь...».

Необходимо отметить, что далеко не всегда протоколы допросов велись корректно и правильно. 22 декабря 1943 г. был издан приказ № 010 по Оперативно-чекистской группе Могилевского подпольного обкома КП/б/Б, в котором отмечалось: «Из поступивших в декабре месяце 1943 г. в Оперативно-чекистскую группу Обкома 37-ми законченных следственных дел большинство из них оформлены плохо, с допущением массы следственных ошибок и неточностей... Как правило, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей ведутся неумело и небрежно, на лоскутах бумаги, с массой перечеркиваний, надписываний слов без всяких на это оговорок. Полные демографические данные... в протоколах в большинстве случаев отсутствуют. Есть много случаев, когда в протоколе допроса обвиняемого записана только его фамилия» [6, д. 60, л. 510–511]. В документе указывалось также и на другие нарушения. Для исправления ситуации в этом же документе прописывался ряд мер, которые должны были улучшить работу в этом направлении и устранить недочеты.

Протоколы допросов разоблаченных агентов представлены в фонде № 1450 (БШПД) достаточно широко. К его достоинствам можно отнести, прежде всего, информативность. Часто допрашиваемому грозила смертная казнь, а одним из условий сохранения жизни была передача известных разведанных. Сообщаемые сведения, как правило, весьма подробны и точны, так как допрашиваемый сам был непосредственным участником происходивших событий.

Вместе с тем, необходимо критически относиться к некоторым сведениям, сообщаемым при допросах. Прежде всего, это касается данных, полученных от сотрудников немецких спецслужб и разоблаченных агентов, так как они сознательно могли сообщать ложную информацию, пытаясь сложить с себя вину или выгородиться. Так, в ходе допроса немецкого агента Л. были получены сведения о деятельности в Ганцевичах шпионской школы с установочными данными на некоторых агентов [6, д. 57, л. 541–542]. Однако в ходе проверки этих данных выяснилось, что «что специальной шпионской школы в м. Ганцевичи не имеется» [6, д. 57, л. 550].

1. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. – 2000. – № 5. – С. 27–63.

2. Козак, К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги / К. И. Козак. – Минск : Логинов И.П., 2012 – 373 с.

3. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. – М. : Русь, 2003. – 310 с.

4. Кулинок, С. В. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып 13 : у 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам.адк.рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2015. – С. 141–148.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15.

6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.

7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 54.

8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.

9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.

10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

11. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 1. / С. Г. Чуев – СПб. : Издательский дом «Нева», 2003. – 383 с.